

Ностальгия по утраченному времени на нашем телевидении приобретает все более категоричский характер. Часто и помногу показывается киноклассика сталинской поры, звучат старые песни, воспроизводятся старые телепередачи.

Стоило бы разобраться, но не в том времени (это отдельная тема, совершенно неподъемная и необозримая в рамках этих кратких заметок), а в нынешних чувствах по отношению к нему.

Разбираться помогают передачи типа "Просто... тетя Валя", "Золотой шлягер" (обе - "Останкино"), программы с Михаилом Жванецким (РТВ). Как ни странно, дополнительный свет на наши отношения с советским

и преданных ее почитателей. Они ведь пребывали в общем зазеркалье - в одном асоциальном, внеисторическом пространстве. Валентина Леонтьева сегодня со слезами на глазах смотрит старые "Огоньки" и передачу "От всей души". Она отмечает (и мы вслед за ней), сколько счастливых было лиц, сколько искренности было по ту сторону телеэкрана. Смотрит, но не замечает игровой природы тех зрелищ. И самое важное - игровой природы советского режима.

Примечателен в этом отношении один эпизод, который Валентина Михайловна сама вспомнила.

В августе 68-го года ей довелось вести трансляции из Сопота. Все было хорошо и мило до рокового утра 21-го числа... Она спустилась позавтра-

СКАЗКИ О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

ЮРИЙ БОГОМОЛОВ, "Московские новости", специально для "Известий"

Известия. - 1994. - 18 марта. - с. 16.

прошлым проливают латиноамериканские мыльные оперы.

В тот момент, когда у Марии отшибло память и мексиканская модистка начала новую жизнь, в которой ей предстоит повторить прежние подвиги - полюбить, понять, прославиться, - на телеэкране со своими воспоминаниями о былом появилась Валентина Леонтьева.

Авторы программы скромно назвали свое детище "Просто... тетя Валя", чем, вероятно, хотели намекнуть на масштаб всенародного признания героини, но намекнули на гораздо большее - на общую природу успеха тети Марии и тети Вали.

"От всей души" - такое же мыповарение для телезрителей своего времени, как "Богатые тоже плачут" - для нынешнего. Объединяет "оперы" не художественное качество, а функция. Объединяет ориентированность на внеисторического, надсоциального человека, каковым и был, в сущности, советский человек, каким пока в массе он и остался.

Утопические миры Марии, Марианны или Изауры, где все люди (кроме злодеев) братья, сродни коммунистическим утопиям и социалистическим реалиям.

Телевизор - самая замечательная машина времени из тех, что нам известны. Она подвижна и стремительна. Легко преодолевает границу меж-

ду условным и безусловным.

Только что Михаил Жванецкий нам объяснял, в каком кривом, искаженном пространстве мы жили, и мы смеялись, узнавая эту кривизну, тем самым удостоверяя ее ненормальность. Но - щелк переключателем: показывают старый "Огонек". Снова щелк: старый "Кабачок"... И почти хорошо. Почти комфортно себя чувствуешь с Кобзоном, Лещенко и Пьехой в том пространстве. Вообще нет ничего лучше иллюзий, если у них есть некоторый запас прочности. Советская власть умела его создать.

Погружаясь в старое советское кино, в старые советские телепередачи, мы возвращаемся не в то время, а в те иллюзии. Иллюзии же любишь если не больше, то дольше, чем реальность. Сначала влюбляешься в иллюзию. Потом начинаешь со всей возможной страстью любить свою любовь к оной.

Валентина Леонтьева замечательно сыграла в мыльной опере "От всей души", за что была удостоена звания Народной артистки СССР. Но она так вошла в свою роль, так полюбила ее, что до сих пор не может смириться с очевидным фактом: то была не жизнь, а игра.

С другой стороны, оно и понятно, почему столь сильна иллюзия жизнеподобия полувывмышленного мира - как самой Валентины Леонтьевой, так

като. Внизу встретила своих друзей из братских стран, и никто с ней не поздоровался. "Спрашиваю Готта: "В чем дело?" - а он в ответ: "Ваши танки делят наших детей".

То, что ведущей Сопота стало в тот момент больно и обидно не за Готта и его страну, а за себя, более или менее понятно. Труднее понять, почему она до сих пор так живо помнит ту обиду.

Человек, который привык отождествлять себя со страной в ее триумфах и радостях, не воспринимается, как правило, отдельно от страны в минуту ее позора.

Карел Готт был тогда не прав. Валентина Леонтьева, на мой взгляд, не права сегодня. Не права в том, что не видит до сих пор черты между условным советским режимом и безусловной исторической действительностью, между своей ролью и чужой жизнью.

Поэты и певцы, писавшие и исполнявшие золотые советские шлягеры, были тогда страшно искренни. И потому счастливы.

Они были искренни во лжи. Андрей Макаревич в "Золотом шлягере", в интерьере студии, перенасыщенной воспоминаниями о золотом советском времени, мрачно обронил: "Время было мерзкое..."

Время было мерзкое, а иллюзии, а миражи и тогда были солнечными, прекрасными.